

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

В. В. Колесов

МЕТАФОРИЧНОСТЬ И МЕТОНИМИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Средневековые теории искусства слова определялись постоянной сменой общих принципов публичной речи, целью и адресатом сообщения, разработанностью текстов в основных жанрах и уровнем развития языка во всех его формах. Средневековый литературный язык по преимуществу язык письменный (от лат. *littera* 'буква'), он развивался на основе *образцов* (традиционных речевых формул) согласно *достойнству* (стиля); это «образ и подобие» в христианском смысле.

Метафоричность таких текстов мнимая, под ней понимают образность вообще, всякий перенос (от греч. *μεταφορά* 'перемещение, перенос'), но «того, что когда-то называли поэтичностью, а мы назовем теперь метонимической символикой языка», много даже в Правде Русской [Ларин, с. 66]. В этом можно видеть отражение средневекового типа мышления, образно-символического, а не понятийного. Представление о метафоре как тропе возникало только в развитом (национальном) литературном языке как языке *интеллектуального* действия. До тех пор образность слова представляла в любом его переносном употреблении.

Последовательность преобразований литературного языка определялась изменением его материала, что приводило ко все более узкой сфере его применения: *жанр* (тип текста) > *стиль* (формы языковой образности) > *функция* [Колесов, 2015]. Сначала жанры развивались независимо друг от друга, в соответствии с целью высказывания и с адресатом, затем стали создаваться смешанные жанры (летописи, хроники, жития) и целые циклы текстов, в которых неизбежно сходились разностильные элементы речи разного происхождения. На этой основе стала формироваться литературная норма, в которой роль языковых единиц в сообщении все больше зависела от личности пишущего, отражая индивидуальные особенности его речи. Положение это соответствует изменению общего «стиля жизни»: изменялась перспектива взгляда на описываемое. Прежде это была «обратная перспектива» «от вещи», от предмета описания, когда каждое сообщение нуждалось в своем собственном оформлении (жанре). Теперь «прямая перспектива» от взгляда субъекта усредняла различные формы выражения, подчиняя их авторскому замыслу (стилю). Семантические изменения в тексте происходили в узком стилистическом окружении, и семантика в Средние века еще не отделялась от стилистики. Так, у Зиновия Отенского в XVI в. высокий и средний стили сближаются семантически, по *сродству* в значениях, а средний и «подлый» — стилистически, по *форме*. Таким образом, средневековый стиль совмещал в себе единство смысла и стиля. Подобное различие именовалось так: *разумъ и глаголь* [Матхаузерова].

Важны психологические установки сознания: дуполярность больших полушарий головного мозга и парность органов чувств задают представление об *объеме* понятия, и тут диалектика противоположностей снимается в третьем, в объекте (*метонимия*) — таково основное условие познания новых предметов посредством слова в Древней Руси. Трехмерность пространства задает представление о *содержании* понятия, о сходстве, представленном в *метафоре* — основе познания новых *признаков* в слове; тут диалектика противоположностей снимается в четвертом — во времени. Таковы естественные пределы, ограничивающие движение нашего разума и само существование в этом мире. Эти определения и последовательности проявлялись в использовании тропов: троичность в парности присутствовала в эпоху раннего Средневековья (метонимии), четверичность (удвоенная парность) в троичности — в позднем Средневековье (метафора).

Исторически изменялись тип мышления, характер текстов и отношение к слову как знаку.

Древнейший *мифологический* тип мышления в каждом слове видел *имя* (собственное) и создавал устные тексты, для удобства запоминания состоявшие из устойчивых формул речи (сохранились в поговорках). Средневековый *риторический* стиль мышления в слове видел уже не просто образ, а образное понятие, то есть *символ* (*знамя*), и создавал как устные, так и письменные тексты, построенные на основе тропов, преимущественно метонимий и синекдох. Современный *логический* тип мышления под словом понимает *знак* и строит бесконечные *цепи суждений*, обогащенные *понятиями* и пронизанные метафорами. Этапы переходов каждый раз в новый тип мышления связаны с процессами формирования в слове законченного понятия, то есть адекватного *понимания* сущности вещей: соответственно, это 1) *ментализация* как средство восприятия заимствованных символов с расширением *объема* понятия и, следовательно, с обогащением предметного значения слова; 2) *идеация* как средство выработки собственных признаков в *содержании* понятия и, следовательно, расширение словесного значения; 3) *идентификация* (номинализация) как средство соединения исторически выделенных *объема* и *содержания* понятий в логические понятия с законченным составом словоформ в парадигмах *лексем*.

Согласно библейскому тексту, «по образу и подобию» Бога создан человек. «По образу и подобию» божеской Правды жили люди Средневековья, основной содержательной формой их мышления был символ подобия. «Образ вещи у Абельяра есть синоним подобия вещи... но это подобие — не образ, а понятие (*intellectus*), которое сознание производит само по себе и на которое направлены усилия разума» [Неретина, с.121].

Мы вступаем на зыбкую почву проблем метафорического познания. Сотни работ толкуют о метафоре, составляя «теории метафоры». Из споров, возникающих между специалистами, вытекают постулаты, согласно которым «сравнение не есть метафора» (это текстовое образование), «олицетворение не есть метафора» (персонифицируется вся ситуация целиком), существуют понятия «тождества» и «подобия», которые представлены на разных хронологических срезах, и т. д.

Необходимо внести поправку в частые утверждения, будто метафоры в языке существуют изначально и вообще присущи человеческому сознанию; забывают, что само человеческое сознание развивалось. Это недоразумение основано на том, что а) под метафорой понимали всякий *перенос* значения; б) за русские метафоры принимали удачные кальки с греческих текстов (таких особенно много в ранних памятниках); в) смешивали метафору «как вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону интеллекта» [Арутюнова, с.348] с исходным синкретизмом представлений. Иными словами, *становящееся* подменяли *ставшим*, *не различая исторических преобразований* и сводя всю наличную систему в точку *теперь*. Интеллект как проявление аналитических способностей есть порождение более позднего времени, это «зона» понятий логического мышления. А до того перенос происходил по законам метонимии,

путем удвоения близкозначных слов типа *житьё-бытьё, чудо-диво, стыд и срам*. Сложность анализа и в том, что возможно переплетение сразу нескольких типов переноса, откладывавшихся в слове исторически, как это показал А. А. Потебня на выражении *горючее сердце* [Потебня, с. 407].

Необходимо различать современное понятие сходства и средневековое представление о подобии. «Подобие есть единство, утверждаемое разумом, чувством истины и отрицаемое воображением; оно есть единство, кажущееся различием, призрачное представление, не говорящее прямо ни да, ни нет» [Фейербах, с.31]. Подобие есть предтеча современного метафорического мышления, *уподоблявшее две вещи* с целью установить их *внешнее сходство*.

В своей книге «Метафора в диахронии» Л. В. Балашова описывает исторический ход сложения метафор [Балашова]. Воспользуемся ее текстом для суждений о значении метафоры для концептологии. Автор и сама понимает, что «в основе концептуализации лежит антропоцентрический принцип метафоризации», что верно: движение концептума начинается с образа — *подобия* действительности в преломлении слова-знака. Метафора описывается «как способ создания новых концептов с помощью уже имеющихся в языке знаков», «с концептуализацией наших представлений о мире». Понятие «концепт» не поясняется, но из контекста ясно, что имеется в виду одно только понятие, без других содержательных форм. Автор полагает, что метафоры в древнеславянском языке уже выступали во всей их силе. Основания этого заявления следующие:

а) в период XI—XV в. бытовых текстов было мало, поэтому метафоры «могли функционировать в языке значительно раньше». Но в 20-томном академическом издании древнерусских текстов первые 14 томов представляют тексты именно этого периода, а все приводимые в книге примеры как раз относятся к переводным текстам, иногда даже церковного содержания с *калькированными* метафорами;

б) «сопоставительный анализ подобных метафорических образований в современных славянских языках» также сомнителен по диагностирующей силе: сходство реакций может быть результатом одинакового движения мысли при общности концептума, который направляет эту мысль. Тем более что и «в современных славянских языках можно обнаружить значительное число различий».

Согласно разработкам ученых, выделяются три типа метафор:

1) *идентифицирующие* с контекстным предметным переносом (номинативные: *ножка стола, устье реки, подошва горы*) «для именованья некоторого класса предметов»; исторически это наиболее ранние «метафоры», построенные по принципу *символического уподобления на метонимической основе*; они связаны с определенным денотатом и *представляют собой* новые понятия символического ряда;

2) *когнитивные*, «наиболее стабильные в диахронии» метафоры с контекстным непредметным значением (*железная логика*), которые отягощены контекстом и потому не могут включаться в словари — сочетаясь с любым денотатом, не связанным с ним по смыслу, свободным в употреблении, этот признак служит «для создания новых понятий» (*образные* понятия, служащие для понимания актуальной ситуации);

3) *образные оценочные*, постоянно возникающие в речи образные понятия (*квадратный подбородок*) соотносятся с образом как содержательной формой концепта — это уже собственно троп, служащий для выражения эмоций и оценки.

По нашему суждению, все три типа укладываются в исходное распределение содержательных форм концепта, соответственно, *понятие — символ — образ*.

На этой основе Л. В. Балашова строит свою типологию древнерусских метафор, которая опять-таки вызывает сомнения.

Во-первых, надежных примеров действительно *русских* по сложению метафор ранее XV в. нет: приводимые общим списком слова типа *грива* 'поросшая лесом гора', *ложе* (реки), *крыло* 'сторона', *рыло* (свиньи), *лапа* 'комель ствола' и т. д. суть скорее *уподобления* на метонимической основе, а даже не *сравнения* метафорического характера. За это говорят основные особенности таких ранних «метафор»: они представлены в тех же словах, в которых сохраняется номинативное значение, причем вне контекста. Подобное удвоение значений есть признак символа. Вдобавок такие значения сохраняются в словарных определениях, которых у метафор быть не положено. Г. Н. Складарская удачно назвала такие «метафоры» «символом метафоры»: слитность прямого и переносного значений, воспринимаемая как словообразовательное средство («семантическое словообразование») (см.: [Складарская]). Еще сомнительнее ранние примеры глагольных и адъективных «метафор», с помощью которых и создаются когнитивные метафоры; тут синкретизм значений лежит на поверхности, он раскрывается из контекста. Например, в Изборнике 1076 г., составленном русским автором на основе переводов греческих изречений, можно встретить такие словесные формулы: *мечь бо си судьныи готовають; не отврѣзи съвьта моего; егда ся родять утрѣ в сердце лукавныи помысли* — и под. Обязательно должен присутствовать денотатный объект в виде самостоятельного имени. Но текст создает смысл (смысл текста), а не значение (значение слова). Вдобавок иллюзию метафоры формирует органическое развертывание концептума во всех его внутренних смыслах. Пример приводит Л. В. Балашова — слово *время* (*веремья*). Контексты (не всегда безупречные) дают основание для выделения «значений» 'одна из форм существования материи' (!) — 'период, эпоха' — 'неопределенный отрезок времени' — 'определенный отрезок времени' — 'время года' — 'возраст'. Вывод: «в самой семантике базового существительного заложено представление о двух взаимосвязанных категориях — о бытии кого- или чего-либо во времени... и о длительности или периодичности чего-либо». Налицо исходный синкретизм имени, определяемый исходным смыслом концептума, который постепенно актуализируется по мере необходимости в определенных словесных формулах. «Внутренняя форма» слова, отражающая смысл концептума, указывает на это: *вертун*. Отнюдь не метафора, а исходный образ концепта.

Метафорой признается, например, глагольная форма *живут* (*дорога живет по рекамъ, ключи церковные у него живут*); глагол *жити* в старом значении 'существовать' до сих пор известен говорам в таком значении, да и в сказочном зачине отражен (*жили-были*, ср. *житьё-бытьё*). Подавляющее большинство ранних квазиметафор крепятся на глаголах движения, из числа которых глагол *идти* особенно распространен, что опять-таки объясняется синкретичностью исходного концептума, способного создавать самые разные образы в словесных формулах, и это не «расплывчатость понятий», как иногда полагают, а естественное проявление «предпонятийного» мышления. Для древнерусского языка характерна символически образная метафора, еще не развившаяся в понятийно когнитивную. Перед нами символ, а не метафора. Вообще, синкретичный состав концептума позволял выделять самые разные признаки в момент актуализации концептума в тексте, ср. *сон железный* — признак 'крепкий', создается образ, *железная логика* — 'твердая (убедительная)', появляется символ, *железная дорога* — признак 'из железа', возникает понятие.

Во-вторых, действительные метафоры отражаются в текстах не ранее XV–XVI в. (*кирпичный, желъзныи, пьсочьныи, серебро не боится мокра* и т. д.), то есть тогда, когда возникла возможность их появления в результате развивающегося процесса *идеации* — поисков собственных признаков прежде заимствованных символов. «Один из магистральных путей метафорического переноса, — указывал В. Г. Гак, — от конкретного к абстрактному, от

материального к духовному» соответствует ситуации, сложившейся в русском обществе только к XV в. [Гак, с.12].

Вернемся к проблеме *уподобления*. Н. Д. Арутюнова в метафорических переносах различает тождество и подобие. Это удачное разграничение позволяет отличить современную метафору тождества от средневековой квазиметафоры подобия (по функции). Последняя субъективно воспринимается, градуальна и может варьировать. В отличие от этого, метафора тождества объективна, постоянна и не имеет степеней, почему и возможны отождествления несходных явлений в оксюморонах вроде *железный пух* или *белое безмолвие*; ср. современную поэзию, доведшую метафоричность до ребусов, возвращающих мысль к древним катахрезам, а иногда и прямо к языческим кеннингам. Понятно, что жизнь «по образу и подобию» в субъективном восприятии градуальных оппозиций есть примета средневекового быта.

Г. Н. Складаревская также описывает историческую последовательность метафоризации. Исходные номинативные метафоры представляют связь между цельными объектами реальной действительности — это отражение древнерусского номинализма, ср. *устье реки* — в чем сходство с устами? Что общего у трех имен одинакового звучания *губа*, которые в речи различаются ударением, но к «губе» не имеют никакого отношения два переносных значения — ‘залив’ и ‘административная единица налогообложения’? Это «метафоры» не по сходству признаков, а по *подобию* функций. Троп обязательно образ, а где граница между образом и подобием? Образ похож на представляемое, а подобие эквивалентно ему. В подобии — смысл, в образе кроется значение. Отличие подобия от катахрезы в том, что для его проявления необходим минимальный контекст (*устье реки*), тогда как катахреза действует в большом контексте и требует особого внимания. Сжатие контекстов приводило к сужению смысла текста в значение слова, и тогда стало возможным появление «настоящих» метафор.

Позже развивается связь с другими денотатами на основе общности десигнатов — выделенных сознанием отдельных признаков; это уже проявление реализма позднего Средневековья. «Денотативная лексика в целом имеет тенденцию к семантическому расширению», — верно указывает Л. В. Балашова, на основе общего десигната, то есть *уже выделенного* сознанием признака различения. Но «денотативная определенность создается за счет контекста», а «изменения определяются действием экстралингвистических факторов». Все эти суждения возвращают к уже отмеченному результату: перед нами метонимическое средство обобщения классов предметов на основе общего контекстного смысла, а не значений отдельного, автономного от текста слова.

Итак, номинативное поле символов порождает метафорическое поле в глагольных формах предикации (включая сюда прилагательные и причастия), которые актуализируют признак метафоризации, ср. в Изборнике 1076 г. *всяко дѣло коньць прѣдѣ началѣмъ распытай... к коньчьному бо дѣни възираи вѣину* (всегда). Глагол *коньчавати* употребляется так же часто.

Учитывая принципиальную позицию концептологии, которая утверждает последовательность в осознанно последовательном осмыслении тропов (метонимия — синекдоха — метафора — ирония), необходимо рассмотреть традиционную точку зрения на метафору (в узком смысле термина) как на древнейший тип переносов.

Из 75 представленных Л. В. Балашовой имен — номинальных метафор раннего времени — 53 не относятся к периоду XI–XIV в., поскольку, согласно историческим словарям (Словарь русского языка XI–XVII в.), метафорический перенос в них отмечается только с XV в. К примеру, это такие имена (дата указывает первую фиксацию в текстах): *быкъ* 1675, *воронецъ* 1669, *глазь* 1534, *грудь* 1608, *дѣвица* 1682, *жила* XVI в., *искра* 1589, *коза* 1639, *колобокъ*

1647, коникъ 1422, рѣка 1583, носокъ 1509, ножка 1586, овенъ XV в. и др. Впечатление такое, будто автор под древнерусскими признает все изменения допетровского времени.

Остальные имена числом 22 дают три группы примеров: а) исходные (древние) метонимии, б) калькированные метафоры с греческих текстов («мистические библейские метафоры», по замечанию одного исследователя), в) исходная дублетность имен, создающих иллюзию метафоричности.

К первой группе относятся 9 имен, действительно, уже в древнерусских текстах представленных с переносным значением, но это — метонимический перенос денотата, а не метафорический десигнатного признака:

вънѣць ‘символ почета’ и ‘украшение’ в XII в., ‘венчание’ 1436;

въздухъ ‘воздух’ и ‘ветер’ XII в., связанные метонимическим отношением, остальные переносы с конца XV в.;

голова/глава ‘убитый человек’ 913 и ‘человек’ 1174 согласно метонимии, метафоры ‘главный’ 1499 и ‘начальник, руководитель’ 1577;

крило ‘крыло’ 1057 и ‘боковая сторона’ в XII в., ‘лопатка (в подвздошь)’ 1364, метафора ‘покровительство, защита’ 1499;

луска ‘шелуха’ и ‘чешуя’ уже у Иоанна Экзарха в X в. (всякая чешуя — шелуха);

носъ ‘нос’ 1073 и ‘передняя часть судна’ 1152 как метонимия, но ‘носовая стрелка у шлема’ 1589, ‘мыс’ XV в. и ‘птичий клюв’ 1653;

перо ‘перо’ и ‘крыло’ в XII в., ‘плавник’ XIV в., ‘перо для письма’ 1307, но ‘пластинка шестопера (оружие)’ 1588, ‘деталь ружья’ 1691, ‘украшение’ 1672;

свинья ‘животное’ 1057, ‘дикий кабан’ 1308, ‘дельфин’ XIV в., а также ‘войско в строю’ 1242 (перенос по функции, а не по сходству);

уста ‘рот’ и ‘орган речи’ 1057, ‘слова, свидетельство’ XII в.

Ко второй группе относятся 11 имен, определенно отражающих метафоры греческого текста, а не сознательное «сложение» оригинального образа:

корень ‘подземная часть растения’ и ‘источник, начало’ XII в. в переводном тексте (греч. ρίζα), собственные образы ‘корни волос’ XIV в. и ‘корень в медицине’ 1669;

море в метафорическом выражении «море житейское» 1096, о большом количестве чего-либо только с XVI в.;

око: от *единого очеси источника течение изначала примѣ* — буквальный перевод ἐξ ενός ὀφθαλμοῦ τῆς πηγῆς, собственное обозначение чего-то круглого с 1499;

рогъ ‘заостренный конец’ 1186 — перевод греч. τὸ κέντρον ‘колющее орудие’, а выражение «рог спасения» (с XI в.) — κέρασ σωτηρίας; ‘сосуд из рога’ в Правде Русской метонимия, равно как и ‘духовой инструмент из рога’ XIV в. (все это кальки с греч. κέρασ);

рука ‘власть’ и ‘сила, мощь’ 1073, ‘помощь, поддержка’ 1284, ‘войско, отряд’ XI в., даже ‘почерк’ 1508 — во всех случаях точный перевод греческого слова χεῖρ с его многочисленными значениями; ср. ‘сорт’ 1634, ‘фланг’ 1647, ‘сторонник’ 1689 и под., уже метафоры собственного происхождения;

ручица ‘ручка’ > ‘побег винограда’ XII в. — ἐλικας, ‘незрелые плоды винограда’ XIV в. — ὄμφακας;

улица: все ранние переносы суть метонимии, ср. ‘проход между домами’ 1076, ‘проход’ 1074, ‘ряд’ 1395, и странное значение ‘площадь’ XII в. — перевод греч. ἐν τῷ δημοσίῳ ‘на краю, на земле’;

устие ‘устье реки’ 945, ‘отверстие’ 1074, даже ‘рукав реки’ 1575 от греч. στόμα;

ухо 'ухо' 1117, 'слух' 1057, 'внимание' 1096, 'ушко иглы' 1057, 'проушина' XIII в. — все это точные переводы греческих слов ὠτα, ὠτίον, ἀκοή; ср. с этим поздние 'наушник' 1589, 'ушко стрелы' 1589;

чело 'лоб' и 'налобник (женский убор)' 1327 в метонимической связи, но метафоры 'голова передового строя' и 'передняя часть корабля' — перевод греч. μέτωπον 'чело, лоб', 'развернутый строй', 'лицевая сторона';

шеломя в значении 'гора, холм' 1151 связано с герм. Helm (теперь обозначает шлем, каску) в древневерхненемецком имело значение 'возвышенность', ср. заимствование в славянском холм.

Не исключено, что и в других случаях имеем дело с влиянием иноземных источников, а иллюзия метафоры объясняется современными представлениями о метафоре как переносном значении слова.

Примерами третьей группы имен являются слова волна и губа. Волна обладает двумя значениями 'шерсть' и 'морской вал'. «Волны житейские» — библейский образ, отсюда устанавливаемое словарное значение 'смятение' 1152, это не органическая метафора. Значение 'шерсть' известно с 980 г., но, вероятно, это другое слово, как можно судить по старым текстам, в которых противопоставлены волна 'шерсть' и вълна 'морская'. Слово губа также подозрительно двоятся по употреблению корневого гласного: гѣба 'губка' 1205, далее 'гриб' 1493 и т. д. с ударением на корне, но губа 'залив' 1391, 'территория' 1456 и т. д. Различия по ударению играли большую роль в старом языке, ср. кл'юка 'хитрость, обман' — клюка 'палка', се́ра 'сера' — сера́ 'смола', ху́ла 'оскорбление' — хула́ 'ругань' и проч.

Таким образом, у нас нет надежных свидетельств наличия осознанного метафорического переноса по крайней мере до XV в.

Ссылка на «Слово о полку Игореве» как на памятник метафорического сложения простое недоразумение. Признать наличие метафор в этом тексте — значит согласиться с его поздним созданием. Основной троп, фигурирующий здесь, есть символ метонимического сложения (см. выше).

Древнерусский перевод византийского сочинения Георгия Хировоска «О образѣхъ» был практическим руководством по раскрытию символов, которыми так богаты христианские тексты и которые были заимствованы при переводах. Весь список тропов и фигур, представленный в трактате, сводится именно к символу, герменевтически раскрываемому посредством различных типов метонимии. Сам термин метафора обозначает просто 'перенос'. Искусствовед Г. К. Вагнер специально оговорил это, на многих примерах показав, что в средневековых текстах под метафорой понимали не метафору в современном узком смысле термина, а «метафору-символ — уточненный образ» [Вагнер, с. 141]. Именно символ обобщенно именуется образом.

Средневековый символизм часто подменяет метафору символом. То, что мы принимаем за метафору, во многих случаях оказывается скрытым символом, рожденным поисками тайных соответствий мира материального и мира духовного. Преобладающий троп — не сравнение и не метафора, а метонимия или синекдоха... Таким образом, не только сама метонимия, но «метонимический способ мышления может считаться характерным для Слова о полку Игореве... Принцип двойного воспроизведения действия... (вызвал) символическое значение образа... В Слове ясно ощущается широкое и ясное дыхание устной речи... автор Слова о полку Игореве поэтически развивает существующую образную систему деловой речи и существующую феодальную символику... и не стремится к созданию совершенно новых метафор, метонимий, эпитетов, оторванных от идейного содержания всего произведения в целом» [Лихачев, с. 196]. Эту же мысль подтверждают и лингвисты: «Средневековая литература насыщена метонимической образностью и символикой образа» [Ларин, с. 65]; Слово — произведение затрудненного,

сокровенного, приточно-иносказательного стиля, овладевшего на исходе XII и в начале XIII в. русской и западной поэзией [Jakobson, p.518-519].

Другие специалисты придерживались того же мнения: Слово — памятник, широко использующий «символические уподобления», А. А. Потебня вообще описывает в основном символику, уподобление и образный символизм.

Необходимо помнить, что в древнерусских текстах все образные средства определялись возможностями самого языка и проявлялись в близком контексте словесной формулы. Эти средства служили не для украшения (не воспринимались собственно художественными тропами), а для смыслового наполнения текста (семантической конденсации) в условиях наличия семантического синкретизма и для создания нужного символа. Такие тексты отражали не индивидуально-авторское видение мира, а объективно существующие связи признаков, в обратной перспективе представленных в самых разных объектах, также всем хорошо известных. Семантическое несоответствие слова его контексту становилось причиной перехода основного, номинативного, значения к *его же образному* (таковы все ранние «метафоры» в перечнях Л. В. Балашовой), в принципе — к метафорическому значению, но осознанное восприятие действительной метафоры долгое время было трудно исполнимым делом из-за устойчивости средневековых поэтических формул, как заимствованных (переводили кальками), так и созданных на славянской почве. Связанность переносного значения слова с ближайшим контекстом препятствовала выделению этого значения и восприятию его как авторской метафоры в условиях, когда авторство было своеобразным. Все это — типичное для средневековых текстов средство передачи отсутствующих еще в языке каузальных связей между реально существующими объектами путем намека, значимого опущения или замены одного другим, также хорошо понятным читателю. Такова именно вся образность «Слова о полку Игореве», целиком «произрастающая» из языка.

Осознанное образование метонимии предшествовало созданию метафор. Осознание восприятия, по-видимому, связано с «открытием» прямой перспективы, тогда как неосознанное действие этими тропами характеризуется существованием обратной перспективы, при которой «вещь» во всей совокупности признаков сама целиком предстает перед наблюдателем, *находит на него*. «Бессознательное не мыслит», — справедливо полагает французский философ Поль Рикёр. Необходимо «переобосновать понятие *сознания*, чтобы бессознательное могло стать его «другим», чтобы оно стало способным на это «другое» [Рикёр, с. 165] — иными словами, выстроить симметричность дуальной оппозиции, а это достаточно позднее достижение культуры. Такую же вторичность метафоры по сравнению с метонимией можно показать на определенных классах имен, например, на существительных женского рода с суффиксом *-ѣк-* вторичного образования. Все такие имена создают метафорическое значение не ранее XV в. и притом на основе осознанной метонимии.

Вилка — ‘вилы’ — ‘предмет с раздвоением на конце’ 1533 — ‘столовая вилка’ 1670.

Водка — ‘водичка’ — ‘лекарственная настойка’ 1533 — ‘водка’ 1666 — ‘кислота’ 1669.

Головка — ‘маленькая голова’ — ‘луковая голова’ XVI в. — ‘выступ; шишечки на вышивке’ 1608 — ‘передняя часть сапог’ 1668 и т. д.

Дорожка — ‘узкая дорога’ XVI в. — ‘бороздка’ 1668.

Ложка — ‘ложка’ 1156 — ‘ложечка (низ груди)’ 1629 — ‘широкая лопасть’ 1649 — ‘узор с углублением’ 1696.

Ножка — ‘маленькая нога’ 1547 — ‘мех с ног животных’ 1567 — ‘узкая полоска земли в чужих пределах’ 1586 — ‘подставка’ 1629.

Ручка — ‘маленькая рука’ XVII в. — ‘каждая половинка поперечника креста’ 1642 — ‘рукоятка, рычаг’ 1663.

Чашка — ‘маленькая чаша’ 1327 — ‘надстрочный знак в письме’ XVI в. и т. д.

В некоторых случаях, когда метафорических значений не возникало по причине отсутствия соответствующих реалий, производное слово оставалось при своем номинативном значении, ср. дырка ‘маленькая дыра’ 1534, миска ‘маленькая миса’ 1682, соломинка ‘маленькая соломка’ 1563, чарка ‘маленькая чара’ 1509 и т. д.

Таким образом, в древнерусском языке возможны были переносы «часть — целое» (*бервь* ‘настил’ > ‘плот’), «отвлеченное — конкретное» (*гной* ‘навоз’ > ‘скверна’), а также по функции (*полкъ* ‘толпа’ > ‘бой’, *порты* ‘ткань’ > ‘одежда’, *пруть* ‘ветвь’ > ‘палка’) и т. п. в метонимическом (в широком смысле) обобщении [Колесов, 2004, с. 451–490]. Гиперонимизация останавливала развитие переносных значений слова, поскольку тем самым завершалось создание символа, и накопление содержательных форм концепта заканчивалось.

Нужно иметь в виду и то немаловажное обстоятельство, что в основе каждого метафорического значения лежит сравнение или противопоставление *двух* — конкретная метонимическая связь по эквиполентной (равнозначной) смежности (метонимия), по градуальной смежности синекдохи (*род — виды*) и по привативному признаку сходства двух предметов мысли. Тропы генетически выходят один из другого, постепенно проявляясь в сознании как результат развития мышления. Именно мышления, а не чувства красоты и стиля. «Красота метафоры начинается сиять тогда, когда кончается ее истинность», — заметил философ Ортега-и-Гассет, то есть когда она опускается с ментального уровня на уровень риторического тропа [Ортега-и-Гассет, с.74].

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
- Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М., 2014.
- Вагнер Г. К. Статья Георгия Хировоска «О образех» в Изборнике Святослава 1073 г. и русское искусство XI в. // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 139-152.
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1988.
- Колесов В. В. Слово и дело. СПб., 2004.
- Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. М., 2015.
- Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975.
- Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.
- Матхаузерова Св. Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 271–284.
- Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре: концептуализм Абельяра. М., 1994.
- Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
- Ортега-и-Гассет Хосе. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С.68-81.
- Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. М., 1993.
- Фейербах Л. Сущность христианства. М., 1965.

